

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СМОЛИН,

**начальник следственного управления при УВД по г. Кирову,
адъюнкт ФГКУ «ВНИИ МВД России»**

ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

На основе уголовного законодательства России середины XIX – начала XX в. проводится историко-правовой анализ уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Ключевые слова: заведомо ложный донос, преступления против правосудия, дореволюционное уголовное законодательство, ложное обвинение, уголовная ответственность, наказание.

S.V. Smolin, Head, Investigation Department, Chief Police Department (Kirov City), Candidate, Russia MI FPI National Research Institute; e-mail: svsmolin79@mail.ru, tel.: (8332) 56-60-80.

Deliberately false denunciation according to the legislation of pre-revolutionary Russia.

Based on the criminal legislation of Russia from the middle of XIX up to the beginning of XX centuries, a historical and legal analysis of criminal liability for deliberately false denunciation is undertaken

Key words: deliberately false denunciation, crimes against justice, pre-revolutionary criminal legislation, false accusation, criminal liability, penalty.

Изучение исторического процесса развития уголовно-правовой регламентации ответственности за заведомо ложный донос имеет немало важное значение для правильной и наиболее полной характеристики данного преступления, а также для определения направлений совершенствования уголовно-правовой борьбы с заведомо ложным доносом. Как справедливо отметил известный российский юрист Н. Сергиевский, «для понимания, оценки и критики уголовного закона необходимо знать его историю; в противном случае все наши суждения будут лишены прочного основания»¹. Вопросы развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против правосудия достаточно подробно исследованы в научной литературе². Вместе с тем, в этих научных работах мало внимания уделено историческому развитию уголовно-правовых норм об ответственности за конкретные преступления против правосудия, в частности норм, посвященных заведомо ложному доносу. В связи с этим необходимо провести историко-правовое исследование развития уголовного законодательства об ответственности за заведомо ложный донос.

На наш взгляд, особое внимание необходимо уделить уголовному законодательству дореволюционной России. По нашему мнению, законодательные акты этого исторического периода, созданные на очень высоком юридико-техническом уровне, закрепили в себе большую часть достижений уголовно-правовой доктрины того времени, дифференцировали ответственность

за ложные доносы с учетом характера и степени их общественной опасности, способствовали назначению виновным справедливого наказания. Как указывала М. Голоднюк, «при всем своем своеобразии институтов дореволюционного законодательства в сфере преступлений против правосудия основные его положения стали базовыми для советского уголовного законодательства в этой области»³. Соглашаясь с данным мнением, считаем необходимым отметить, что, на наш взгляд, юридическая техника построения норм об ответственности за заведомо ложный донос в законодательстве дореволюционной России существенно превосходила юридическую технику построения аналогичных норм не только в советском, но и в современном российском уголовном праве.

Принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. стало важнейшим этапом в совершенствовании уголовно-правового регулирования ответственности за преступления против правосудия. По своей юридической технике, полноте описания признаков преступлений в правовых нормах данный закон существенно превосходил все предыдущие источники российского уголовного права. В этом законодательном акте впервые достаточно успешно была реализована тенденция структурного обособления составов преступлений против правосудия: в главе пятой раздела пятого, поименованного «О неправосудии», были объединены наиболее существенные посягательства на интересы правосудия со стороны представителей государ-

ственных органов, непосредственно принимающих решение по уголовным или гражданским делам или осуществляющих надзор за правильностью и законностью его вынесения. Однако при этом ответственность за преступления против правосудия, совершенные частными лицами, была предусмотрена другими разделами и главами Уложения.

Норма об ответственности за ложный донос была помещена в Разделе 8 Уложения «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния»⁴. Внутри данного раздела заведомо ложный донос (ст. 940) был отнесен к числу преступлений против «общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений» (глава 3) наряду с ябедой (ст. 939), лжесвидетельством (ст. 942-945), бродяжничеством, укрывательством беглых, составлением злонамеренных шаек, противозаконными выделыванием и хранением оружия.

В науке дореволюционного российского уголовного права не существовало единого мнения о том, на какие именно социальные блага посягает заведомо ложный донос. Н.С. Таганцев обоснованно относил ложный донос наряду с лжесвидетельством и лжеприсягой к числу преступлений против судебной власти, которые в свою очередь являлись преступлениями против «устройства», т.е. основных принципов порядка управления⁵. Н.А. Неклюдов причислял ложный донос к преступлениям против «общественного строя», включив в данную группу лжесвидетельство, ябеду, сокрытие личности, подлог в актах и документах, подделку денежных знаков, подделку клейм, используя в качестве основания для такой классификации не законодательную группировку преступлений, а сходство объективной стороны их составов, заключающееся в «сокрытии или искажении истины»⁶. Автор Курса русского уголовного права А.В. Лохвицкий определил заведомо ложный донос как преступление против личности⁷. Такое различие во мнениях относительно социальной направленности ложного доноса объяснялось, на наш взгляд, тем, что в доктрине уголовного права того периода не было определено понятие правосудия как объекта уголовно-правовой охраны. В связи с этим как в научных работах, так и в законодательстве не до конца разграничивались такие объекты, как правосудие, интересы государственной службы, общественный порядок.

Уложение 1845 г. не содержит юридическое толкование понятия «донос»⁸. В связи с тем, что в российской юридической практике XIX в. использовались понятия «донос», «извет», «оговор» и «ябеда», автор считает необходимым обратиться первоначально к толкованию этих поня-

тий, содержащихся в статье энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона: «ложный донос – заведомо ложное обвинение определенного лица в точно указанном преступном деянии, заявленное перед такой правительственной или судебной властью, которую может быть возбуждено уголовное преследование против обвиненного; ложный извет, т.е. простое объявление о событии преступления, о котором доноситель знает, что оно на самом деле не совершено, без прямого указания на определенное лицо как на виновника вымышленного преступления, представляет большую опасность для правильного течения правосудия, но по действующему законодательству не наказуем. От оговора ложный донос отличается тем, что делается не лицом, привлеченным к данному делу в качестве обвиняемого»⁹.

Под «ябедой» понималось вчинение заведомо неправильных или кляузных исков, а равно уклонение под ложными предлогами от удовлетворения правильных претензий (ст. 939 Уложения)¹⁰. Сама «ябеда» не наказывалась в уголовном порядке. Уголовную ответственность влекло подстрекательство к возбуждению и ведению заведомо неправого иска¹¹.

Признаки ложного доноса были очень подробно и ясно сформулированы уголовно-правовой доктриной XIX в.¹²:

заведомая ложность обвинения – заявление о таких фактических обстоятельствах, которые вымышлены или о несуществовании которых в действительности заявителю было известно;

явно сформулированное обвинение в совершении преступного деяния;

ложное обвинение, подкрепленное ссылками на доказательства, бездоказательный донос не может повлечь за собой производство расследования (бездоказательные доносы влекут ответственность, только если они получили дальнейший ход);

намерение преступника привлечь к уголовной ответственности невиновного либо достичь личной или корыстной цели путем привлечения к уголовной ответственности невиновного;

точное указание невиновного лица в доносе; направление доноса такому должностному лицу (правительственной или судебной власти), которое может возбудить уголовное преследование;

отсутствие зависимости ответственности от выполнения представителями власти правила предупреждать доносителя об ответственности за донос.

Н.А. Неклюдов указал также на формальные условия ложного доноса¹³:

1) донос должен быть составлен в письменной форме либо занесен в протокол. Не допуска-

ется доказывать в суде свидетельскими показаниями содержание ложного доноса;

2) донос должен быть подписан доносителем. Если данное требование не выполнено, донос считается пасквилем или подметным письмом и не влечет уголовного преследования по ст. 940 Уложения. Донос влечет уголовную ответственность в тех случаях, когда доносчик назвался чужим именем.

С данной позицией Н.А. Неклюдова не согласился Н.С. Таганцев, который отмечал: «Донос не делается ненаказуемым только потому, что он был облечен в форму анонимного письма. Безымянные пасквили и доносы, хоть и не составляют законного повода к начатию следствия, но могут служить поводом к полицейскому розыску или дознанию, могут повлечь за собой то же самое следствие»¹⁴.

Хотя оговор подсудимым другого лица формально и содержал все признаки ложного доноса, однако подсудимый в данном случае не привлекался к ответственности по ст. 940 Уложения, а оговор рассматривался только как обстоятельство, отягчающее наказание. Вместе с тем, действия подстрекателей, склонявших подсудимого к совершению оговора невиновного лица, влекли ответственность по ст. 940 Уложения.

Несомненным достоинством Уложения 1845 г. являлась дифференциация ответственности за ложный донос в зависимости от следующих признаков его объективной стороны, прямо перечисленных в правовой норме: «важность обвинения, род средств, употребленных для вовлечения начальства в заблуждение, а равно и по мере причиненного сим обвиняемому вреда». Можно с уверенностью сказать, что данные признаки стали прообразом, основой для построения нормы об ответственности за заведомо ложный донос и его квалифицирующих признаков в советский период развития уголовного права. Все признаки субъективной стороны ложного доноса были указаны в диспозиции ст. 940 Уложения, квалифицирующие признаки не выделялись, в связи с чем степень общественной опасности ложного доноса определялась судом. Пределы судебного усмотрения были достаточно широки, так как санкция ст. 940 Уложения являлась альтернативной и относительно определенной. За ложный донос предусматривались следующие виды наказаний:

заключение в тюрьму на срок от 4 до 8 месяцев;

лишение некоторых особых прав и преимуществ и заключение в тюрьму на срок от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев;

лишение всех прав и преимуществ и отдача в исправительные арестантские отделения;

в случаях особой важности: лишение всех прав и преимуществ и отдача в исправительные арестантские отделения на срок от 4 до 5 лет¹⁵.

Согласно Н.А. Неклюдову, в случаях особой важности предусматривалось наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь на поселение¹⁶. Как мы видим, суд мог назначить различные виды наказания в зависимости от степени общественной опасности посягательства: от достаточно мягкого наказания (краткосрочное лишение свободы), до достаточно строгого.

Несмотря на подробное и детальное формулирование признаков ложного доноса юридической доктриной, достаточно четкую конструкцию уголовно-правовой нормы о ложном доносе, необходимо отметить, что уголовно-правовое регулирование ответственности за данное преступление не было лишено существенных недостатков. Самым главным пробелом Уложения 1845 г. в этой части являлось отсутствие какой бы то ни было ответственности за ложное сообщение о несуществующем преступлении без указания на конкретное лицо. Как справедливо отмечал А.В. Лохвицкий, «полиция все-таки может делать дознание и по простому сообщению о совершившемся будто бы преступлении, следственно напрасно терять время и беспокоить людей»¹⁷. Кроме этого, в Уложении и в науке уголовного права не был проработан вопрос об иных способах введения полиции и следствия в заблуждение, например путем изменения обстановки после совершения преступления или инсценировки совершения невиновным преступления. Об этих недостатках в законе А.В. Лохвицкий, в частности, написал следующее: «Важный пропуск в законодательстве: подвох, подбрасывание материальных улик. А эти действия не подходят под ложный донос, так как виновный не делает заявлений следственной власти, ни под лжесвидетельство, ни под какое другое преступление»¹⁸.

Необходимо отметить, что приведенное высказывание А.В. Лохвицкого остается актуальным и для современного уголовного законодательства, так как данный пробел в праве не восполнен до настоящего времени¹⁹.

Уголовно-правовое регулирование ответственности за заведомо ложный донос получило свое дальнейшее развитие в связи с принятием Уголовного уложения 1903 г.²⁰ Идея консолидации норм об ответственности за преступления против правосудия была воплощена в данном законодательном акте более полно, чем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Нормы об ответственности за посягательства на правосудие «извне», т.е. со стороны граждан, были объединены в одну главу (VII), которая полу-

чила название «О противодействии правосудию». Наряду с заведомо ложным доносом, в этой главе содержались такие преступления, как лжесвидетельство, фальсификация доказательств, недонесение о достоверно известном замышленном или совершенном преступлении, укрывательство преступника, отказ от показаний, побег из-под стражи или мест заключения и др. Необходимо, однако, отметить, что идея объединения норм об ответственности за посягательства на правосудие была реализована законодателем не полностью, так как уголовно-правовые нормы об ответственности за посягательства на интересы правосудия, совершаемые должностными лицами (т.е. «изнутри»), в главу VII «О противодействии правосудию» или другую специальную главу в Уложении не были помещены, а предусматривались в главе 37 «О преступных деяниях по службе государственной или общественной».

По сравнению с предыдущими источниками дореволюционного уголовного права Уголовное уложение 1903 г. отличал высокий юридико-технический уровень построения уголовно-правовых норм²¹. Норма об ответственности за заведомо ложный донос претерпела существенные изменения, о которых, в частности, М.Н. Голоднюк писала: «Многие преступления, входящие в данную главу, даже известные современному законодательству, имели своеобразные особенности, отличающие их от аналогичных составов действующих в настоящее время уголовно-правовых норм»²². Уголовная ответственность за заведомо ложный донос была представлена в Уложении двумя составами преступлений: заведомо ложное заявление власти (ст. 156) и заведомо ложное обвинение перед властью (ст. 157).

Законодатель устранил часть пробелов в регулировании ответственности за ложный донос, указанных профессором А.В. Лохвицким, криминализовав ложное сообщение о несуществующем преступлении без указания на конкретное лицо. Кроме того, в текст правовой нормы о ложном доносе были введены некоторые его признаки, ранее сформулированные уголовно-правовой доктриной. Так, в ст. 156 Уложения указан адресат заведомо ложного доноса: «власть, от которой зависит возбуждение уголовного преследования», а также содержание ложного доноса: сведения о «несовершившемся тяжком преступлении или преступлении».

Основным достоинством уголовно-правового регулирования ложного доноса по Уголовному уложению 1903 г. являлась, конечно же, дифференциация ответственности за ложное заявление без указания на конкретное лицо и за донос в узком смысле этого понятия с заведомо ложным обвинением конкретного лица. При этом Уложе-

ние рассматривало заведомо ложное обвинение конкретного лица как более опасное преступление, так как оно посягало не только на интересы правосудия, но и на интересы личности. Если за заведомо ложное заявление власти (ст. 156) было предусмотрено более мягкое наказание в виде ареста (краткосрочное лишение свободы), то заведомо ложное обвинение перед властью (ст. 157) наказывалось более строго: заключением в тюрьму или исправительный дом на более длительные сроки.

Важной особенностью нормы об ответственности за заведомо ложное обвинение стало содержание доноса. Предметом доноса при обвинении конкретного лица стали ложные сведения не только о преступлении, но и о совершении служебного проступка, которые могли повлечь за собой привлечение невиновного не только к уголовной, но и к дисциплинарной ответственности, например сведения о ненадлежащем исполнении своих должностных обязанностей. В связи с этим расширился и перечень адресатов ложного доноса – ими стали не только представители власти, от которых зависело возбуждение уголовного преследования, но и лица, которым обвиненный был подчинен в силу должностного или служебного положения. Еще одной новеллой регулирования ответственности за заведомо ложный донос стало законодательное введение нового признака объективной стороны в случае ложного обвинения конкретного лица: донос должен содержать указание оснований такого обвинения. О данном признаке содержания доноса Н.А. Неклюдов писал следующее: «Не требуется, чтобы доказательства были убедительны; не требуется даже, чтобы доноситель представил сами доказательства, – достаточно, чтобы он сделал на них ссылку. На сем основании донос должен быть почитаем подкрепленными доказательствами, коль скоро доносчик заявит себя очевидцем происшествия, укажет на тот документ, в подделке коего он обвиняет другого, сошлется на свидетелей и т.п.»²³. Если в предыдущий период действия Уложения 1845 г. данный признак был выработан уголовно-правовой теорией, то в связи с принятием Уложения 1903 г. он получил четкое законодательное закрепление.

Дифференциация уголовной ответственности за доносы, обладающие разными характером и степенью общественной опасности, проявилась в Уложении не только в создании двух отличных друг от друга правовых норм (ст. 156 и ст. 157). Впервые в истории отечественного дореволюционного уголовного права в норме, предусматривающей ответственность за заведомо ложное обвинение перед властью (ст. 157), был закреплён квалифицирующий признак, отяг-

чающий наказание: «ложное обвинение в тяжком преступлении». Это был, несомненно, большой шаг вперед в совершенствовании уголовно-правовой нормы об ответственности за ложный донос, поскольку он связывал наказание за преступление со степенью общественной опасности посягательства, способствовал уменьшению пределов судебного усмотрения при определении виновному вида и размера наказания, единообразному применению закона и в конечном счете реализации принципа справедливости.

Интересной особенностью Уголовного уложения 1903 г. стало установление уголовной ответственности за интеллектуальное укрывательство преступлений путем самооговора. Так, п. 1 ст. 169 Уложения предусматривал ответственность за «явку с повинною в тяжком преступлении или преступлении, заведомо учиненном другим лицом». Данная норма располагалась в числе статей Уложения, предусматривавших ответственность за укрывательство. Этому институту посвящены четыре статьи (166-169). Самооговор наказывался менее строго, чем ложное заявление о преступлении: к виновному мог быть применен не только арест, но и денежный штраф в размере не свыше пятисот рублей. Таким образом, законодатель рассматривал самооговор не как разновидность заведомо ложного заявления, а как одну из форм укрывательства.

Подводя итог, необходимо отметить, что уголовно-правовое регулирование ответственности за заведомо ложный донос по Уголовному уложению 1903 г. для периода начала XX в., на наш взгляд, было высокоэффективным, так как данный законодательный акт закрепил в себе большую часть достижений уголовно-правовой доктрины того времени, дифференцировал ответственность за ложные доносы с учетом характера и степени их общественной опасности, позволяя назначать более мягкие наказания за менее опасные для общества и личности виды доносов и достаточно строгие наказания за опасные разновидности этих преступлений. Кроме того, некоторые положения Уголовного уложения 1903 г. были использованы в последующем советским законодателем при формулировании норм об ответственности за заведомо ложный донос.

¹ Сергиевский Н. Философские приемы и наука уголовного права / Н. Сергиевский // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. первая. С. 83.

² Бриллиантов А.В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия / А.В. Бриллиантов. – М.: Проспект, 2008. С. 8-25; Горелик А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 13-22; Голоднюк М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия / М.Н. Голоднюк // Вестник Московского ун-та. Серия 11: Право. 1996. № 6. С. 16-25; Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана

отправления правосудия (историко-правовое исследование) / И.В. Дворянсков, А.И. Друзин, А.И. Чучаев. – М., 2002; Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: Проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: Дис. ... д-ра юрид. наук / Л.В. Лобанова. – М., 2003. С. 29-38; Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации) / А.В. Федоров. – Калуга: АКФ «Политоп», 2004. С. 6-77; и др.

³ Голоднюк М. История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия / М. Голоднюк // Уголовное право. 2000. № 2. С. 15.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., изданное Н.С. Таганцевым / Сост. проф. С-Петербург. ун-та Н.С. Таганцев. 11-е изд. – СПб.: Гос. тип., 1901.

⁵ Таганцев Н.С. Уголовное право: 1-го класса Императорского Александровского Лицея 1876-1877 гг.: Часть общая и особенная. / Н.С. Таганцев // Соч. проф. Таганцева. – СПб., 1877. С. 518.

⁶ Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права: Соккрытие истины; соккрытие своей личности; лжеприсяга и лжесвидетельство; ложный донос и ябеда; подлог и подделка / Н.А. Неклюдов. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. Т. 4. С. 3-4.

⁷ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. / А.В. Лохвицкий // Соч. А. Лохвицкого, д-ра прав, сведенное с кассационными решениями. – СПб.: Скоропечатная Ю.О. Шредера, 1870. С. 453.

⁸ Неклюдов Н.А. Указ. раб. / Н.А. Неклюдов. С. 150.

⁹ Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, О.О. Петрушевского. – СПб., 1896. Т. 17А (34).

¹⁰ Неклюдов Н.А. Указ. раб. / Н.А. Неклюдов. С. 188.

¹¹ Примером «ябеды» может послужить следующее уголовное дело, рассмотренное по существу в 60-х годах XIX в.: побуждение крестьян к составлению противозаконного иска об оставлении на должности Волостного старшины того лица, которое сменено с этой должности Мировым съездом, преследуется как возбуждение общества к недозволенному законом ходатайству. (См.: Данилов И.Г. Указатель вопросов уголовного права, разрешавшихся на консультации при Министерстве юстиции, учрежденной в 1866-1874 гг. / Сост. И.Г. Данилов. – СПб.: Типография Правит. Сената, 1875. С. 43).

¹² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., изданное Н.С. Таганцевым / Сост. проф. С-Петербург. ун-та Н.С. Таганцев. 11-е изд. – СПб.: Гос. тип., 1901. С. 488-489; Неклюдов Н.А. Указ. раб. / Н.А. Неклюдов. С. 146-186.

¹³ Неклюдов Н.А. Указ. раб. / Н.А. Неклюдов. С. 160-161.

¹⁴ Таганцев Н.С. Указ. раб. / Н.С. Таганцев. С. 490.

¹⁵ Там же / Н.С. Таганцев. С. 487.

¹⁶ Неклюдов Н.А. Указ. раб. / Н.А. Неклюдов. С. 146.

¹⁷ Лохвицкий А.В. Указ. раб. / А.В. Лохвицкий. С. 453.

¹⁸ Там же / А.В. Лохвицкий.

¹⁹ Векленко В.В. Заведомо ложный донос: вопросы уголовной ответственности // Преступления против правосудия: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты: Материалы теоретического семинара (30 ноября 1994 г.) / В.В. Векленко. – Омск: Омский юрид. ин-т МВД России, 1996. С. 45-48; Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: Проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: Дис. ... д-ра юрид. наук / Л.В. Лобанова. – М., 2003. С. 20; и др.

²⁰ Уголовное уложение, 22 марта 1903 г. Статьи, введенные в действие. – СПб.: Изд-во Н.С. Таганцева, 1911.

²¹ Бриллиантов А.В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия / А.В. Бриллиантов. – М.: Проспект, 2008. С. 19; Кулешов Ю.И. Некоторые аспекты эволюции правовых норм об ответственности за преступления против правосудия в российском законодательстве / Ю.И. Кулешов // История государства и права. – М.: Юрист, 2010. № 14. С. 14.

²² Голоднюк М. История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия / М. Голоднюк // Уголовное право. 2000. № 2. С. 14.

²³ Неклюдов Н.А. Указ. раб. / Н.А. Неклюдов. С. 163.